

Н.В. ВЕСЕЛКОВА

ПОЛИТИКА ИЛИ РОМАНТИКА: СТУДЕНТЫ 1956-го¹

Аннотация. Феномен студенческого «брожения» 1956 г. в советских вузах рассмотрен на примере двух крупнейших вузов Свердловска — Уральского госуниверситета и Уральского политехнического института — и анализируется в контексте социально-критического мышления и политики в отношении интеллигенции. Теоретико-методологической рамкой служит конструкционизм, с акцентом на аспектах двусторонности, обоюдности конструирования и его темпоральности. Эмпирическую базу составляют документы из фондов Центра документации общественных организаций Свердловской области, музея университета, а также материалы местной и центральной прессы. Середина 1950-х примечательна тем, что вплоть до конца 1956 г. границы допустимой критики радикально пересматривались. Неортодоксальная активность до определенного времени не расценивалась как крамольная. Зазор, промежуток между исходными действиями и последующим клеймом показывает, как происходила кристаллизация оценки: в какой-то момент казалось, что критиковать можно всем и все. Показано, что решающий эффект при пересмотре границ допустимой критики произвела не тематика студенческих высказываний, а несоответствие масштабов субъектов и объектов публичной критики. Позиция властей заключалась в деполитизации студенческой активности, для чего использовали патологизирующую объективацию, трактуя молодое поколение как носителя особых проблем. Сами студенты настаивали на политических коннотациях своих выступлений, однако стремление «ловить в свои паруса ветры истории» постепенно аккумулировалось в понятии романтики, которой предстояло потеснить среди ориентиров 1950-х патриотизм и героизм. Автор приходит к выводу, что манипулируя масштабами явлений и сводя неортодоксальную активность студентов к единичным, пусть и участвовавшим, выступлениям, государственные идеологи сохраняли систему в целом.

Веселкова Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Адрес: 620000, Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51. **Телефон:** + 7 (343) 389-97-31.

Электронная почта: vesselkova@yandex.ru

¹ Выражаю благодарность за полезные консультации Е.В. Прямиковой, С.И. Быковой, В.А. Блинову, О.Е. Шафранец.

Ключевые слова: студенческие выступления; Свердловск; интеллигенция; крамола; критика; социально-критическое мышление; органические интеллектуалы; «эффект масштаба».

Для цитирования: Веселкова Н.В. Политика или романтика: студенты 1956-го // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 2. С. 153–173. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7271

«[С]туденчество всегда было революционным, оно и теперь может вершить большие дела, критически относиться к тому, что уже было сделано», — убеждал корреспондент «Комсомольской правды» молодого партийца Уральского университета весной 1956 г., собирая информацию по поводу скандального отчисления одной студентки². События в советских вузах стали важным проявлением перемен в стране и мире в середине 1950-х гг. и довольно хорошо описаны³. Как правило, их исследуют в контексте истории инакомыслия, считая импульсом XX съезд, а следствием — накопление опыта вольнодумства.

Целью настоящей статьи является описание студенческого «брожения» в иной перспективе: общей теоретико-методологической рамкой служит социальный конструкционизм в духе П. Бергера и Т. Лукмана [2], а на более частном уровне привлекаются такие понятия, как социально-критическое мышление и органические интеллектуалы⁴. Рассматривая ситуацию во всей стране, сосредоточим внимание на Свердловске, где студенческие выступления были одними из самых заметных, — чтобы увидеть события крупным планом. Основу эмпирической базы составили документы из фондов Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО): протоколы комсомольских и партийных собраний вузов, заседаний бюро, пленумов и конференций горкомов и обкомов ВЛКСМ и КПСС. Дополняющие их материалы вузовской, областной и центральной прессы, помимо прочего, демонстрируют роль медиатизации в конструировании проблемы и ее масштаба, а опубликованные воспоминания дают ретроспективную оценку событий их участниками⁵.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 285. Оп. 3. Д. 143. Л. 8.

³ Свердловские случаи — прежде всего в работах А. Прищепы [43; 44], Ю. Русиной [46; 47 и др.]; см. также: [20; 55], опубликованные документы [48, № 1, 8; 36, № 87–93].

⁴ За рамками остается дискуссия об интеллигенции и ее социологическая концептуализация [56]; понятия «интеллигенты» и «интеллектуалы» будут рассматриваться как близкие по смыслу.

⁵ Еще один ценный источник ретроспектив — интервью с современниками — мы не включаем, поскольку целью является не реконструкция, а анализ событий с помощью предлагаемого теоретического инструментария.

Социально-критическое мышление: «во всем сомневаться»

Понятия инако- и разномыслия (термин Б.М. Фирсова [51]) связаны с представлениями о давлении власти и ответном протесте. Не находя достаточной глубины в политической оппозиционности⁶ студенчества, историки бросаются в другие крайности, прибегая к эйджистской аргументации о социальной и политической незрелости молодежи и уравнивая политически окрашенные проявления активности с любыми другими социально неодобряемыми явлениями. Именно такое уравнивание, как будет показано ниже, составляло стратегию властей. С помощью теории социального конструирования девиации исследователи успешно вскрывают механику наклеивания ярлыков [например: 26, с. 7; 43; 54, прим. 14, с. 73], однако ценой аналитической продуктивности оказывается воспроизведение все той же логики, когда идеологическое вольнодумство попадает «в одну кучу» с прогулами, хулиганством и уголовными преступлениями.

Избежать описанных крайностей помогает понятие социально-критического мышления [10], где социальность означает направленность размышлений об обществе, критичность — стремление к выработке субъектной рефлексивной позиции. Квинтэссенцией критичности можно считать фразу из машинописного журнала «В поисках», выпущенного на филфаке Уральского университета (УрГУ) в октябре 1956 г.:

«Мы не должны брать ничего на веру, ни одного положения. Нужно во всем сомневаться, проверять все самим, и только в том случае, если это положение выдержало нашу критику, мы сможем его принять, сможем его защитить и проводить в жизнь» [48, с. 20]⁷.

В целом соглашаясь с оценками массового сознания эпохи Н. Хрущева, согласно которым многие советские люди искренне разделяли коммунистические идеалы, другие просто некритично принимали идеологические клише [16], важно подчеркнуть и широкое распространение, с периодическими всплесками и затуханиями, критической рефлексивности. Ее носителями совсем не обязательно выступала отдельная категория граждан, свободных от названных идеалов и клише. Скорее стоит говорить о разных сочетаниях названных характеристик в различных социальных слоях.

Активизации критичности способствовали потрясения, связанные с войной и последующим переходом к мирной жизни, а в 1950-е — со

⁶ По В. Козлову, подобный «диссидентоцентризм» неизбежно приводит к трактовке разнообразных проявлений вольнодумства как «недоразвитого диссидентства». Критикуя эту болезнь российской историографии 1990-х гг., этот автор тем не менее следует той же исходной рамке «народного сопротивления режиму» [26, с. 10], от чего нам хотелось бы уйти.

⁷ Сравните с определением дискуссионного кружка, созданного в 1956 г. в Казанском финансово-экономическом институте: он для тех, «кто имеет собственные мысли, кто может самостоятельно мыслить, независимо от нашей партийной идеологии» (цит. по: [12, с. 126]).

смертью Сталина и разоблачением культа личности. В вузовской среде критическую рефлексию дополнительно стимулировали занятия наукой с ее декартовским «подвергай все сомнению», общение с молодежью из других стран, включая Польшу и Венгрию. Официальная идеология отстаивала свою версию критичности, утверждая, что нужно учить молодежь воспринимать поступающую извне информацию, не поддаваясь на провокации. Не следует забывать также и советские ритуалы «критики и самокритики», уходящие корнями в практики покаяния и коллективного надзора [53; 57]. Многозначность критического делает весьма привлекательной в качестве аналитического инструментария социологию критики Л. Болтански и Л. Тевено, однако при ближайшем рассмотрении обнаруживаются ее серьезные нестыковки с советским материалом. Возможно, главное, что нарушалось студентами в «правилах приемлемости», это субординация масштабов дозволенности — кому и что пристало критиковать; к данному аспекту мы обратимся в заключительной части статьи.

Наиболее релевантным для нашего анализа остается, при всех его опасностях, конструкционизм Бергера и Лукмана [2], основываясь на методологии которого, сформулируем и особо выделим аспекты двусторонности, обоюдности конструирования и темпоральности. Признанные крамольными события в вузах складывались из действий студентов и реакции руководства разных уровней. Зазор, промежуток между исходными действиями и конечным клеймом показывает, как происходит кристаллизация оценки — или не происходит, или как она могла бы произойти иначе. В данный период серьезно пересматриваются критерии определения отклонений и социального контроля во внутриполитической сфере, в результате чего, согласно Г. Кузовкину [28], основным инструментом «новой репрессивной политики» вместо карательных органов становятся общественные организации и администрации вузов. Ужесточение политики с конца 1956 г. по 1958 г. получило название «пики хрущевских репрессий» [26, с. 100]. Тем не менее уже в начале 1961 г. проведенное Институтом общественного мнения «Комсомольской правды» исследование автопортрета молодого поколения [16, с. 159–163] массово фиксировало высокий уровень критичности с таким, например, выражением субъектной установки:

«Каждый из нас и наше поколение должны выработать свой характер, свои идеи... Чужие мысли могут становиться своими, но их нужно проверить. Нет ничего хуже человека, у которого “обоями дешевых истин оклеен череп изнутри”»⁸ [16, с. 210–211].

⁸ Участник опроса, ленинградский студент, цитирует стихотворение «Другу», которое в 1955 г. написал В. Британишский, на тот момент тоже студент — Ленинградского горного института (в оригинале — «обоями ходячих истин»). См. персональную страницу Владимира Британишского: URL: http://britanishsky.com/archives/category/ant_ott (дата обращения 25.06.2016.).

«Дело Полонской» и органические интеллектуалы «наоборот»

В середине 1950-х в 700-тысячном Свердловске действовали 10 вузов. Наиболее значительные из них — Уральский госуниверситет и крупнейший, с 16 тыс. студентов⁹, вуз региона — Уральский политехнический институт (УПИ). Говоря о событиях в Свердловске, обычно выделяют крамольные собрания и журналы в этих двух вузах, тем более что упоминания о них вошли в «клеящие» документы всех уровней, вплоть до знаменитого закрытого письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» от 19 декабря 1956 г. Хотелось бы начать с сюжета, свидетельствующего о том, что социальная критичность не возникла вдруг после съезда и не сводилась к точечным вспышкам или короткой полосе «неподчинения» осенью 1956 г., — с так называемого «дела Полонской».

Лиля (Цецилия) Полонская 1935 г. р. поступила на филфак УрГУ в 1952 г. и едва не была отчислена с первого же курса, когда в комитет комсомола, партбюро и деканат попал ее личный дневник. В тот раз инцидент остался в пределах вуза и не трактовался как антисоветский. Этот ярлык будет приклеен много позже, когда при обсуждении 8 января 1957 г. вышеупомянутого письма ЦК в университете сочтут, что это Полонская «положила начало антисоветским вылазкам среди студентов»¹⁰. Хронология этой истории, на наш взгляд, весьма показательна: она свидетельствует как о постепенном конструировании идеологической девиации, так и о присутствии «крамольных» настроений до XX съезда¹¹.

По словам куратора группы Г. Тамарченко, Лилия была очень способной и очень трудной студенткой, порой задавала «такие вопросы, что на них было опасно отвечать» [49, с. 181]. В 1955 г., так сказать, по совокупности содеянного, включая неосторожные разговоры с преподавательницей истмата, комитет ВЛКСМ УрГУ исключил Полонскую из комсомола «[з]а аполитизм, космополитизм, моральную нечистоплотность, высказывания, чуждые нашему строю, зазнайство» и просил ректорат об отчислении, что и было сделано¹².

В январе 1956 г., все еще до съезда, областная молодежная газета опубликовала осуждающую заметку [38], а после съезда в трех (!)

⁹ ЦДООСО. Ф. 1910. Оп. 5. Д. 11. Л. 108.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 143. Л. 8.

¹¹ Хотя доклад Хрущева и послужил катализатором «общего пробуждения умов», для некоторых студентов он вовсе не стал откровением, как напишет в воспоминаниях однокашник Полонской К. Белокуров, репрессированный в 1957 г. [1, с. 221].

¹² ЦДООСО. Ф. 198. Оп. 4. Д. 52. Л. 7; Архив УрГУ. Связка 228. Л. 26 (цитируется объяснительная записка комитета ВЛКСМ в ректорат, хранящаяся в архиве и (копия) в музее университета). Автор статьи благодарит В.А. Мазур за консультации и помощь в работе с документами.

майских выпусках «Комсомольской правды» вышли развернутые материалы об УрГУ [17; 18; 19]. С. Гуськов (тот самый, со слов которого мы начали статью) прибыл в Свердловск после того, как Полонская отвезла в Москву письмо со своей историей [49, с. 181–182], а ЦК ВЛКСМ удовлетворил ее апелляцию о восстановлении в комсомоле. Московский журналист писал о застое в комсомольской жизни университета, формализме РК, ГК и ОК ВЛКСМ, однако сегодня из этих публикаций непросто понять, что он «взял под защиту Полонскую», как с возмущением потом говорили на партсобрания УрГУ¹³. Гуськов припомнил «грехи» студентки с первого курса, когда

«...многих удивил пессимизм в ее работе о фольклоре Великой Отечественной войны. В “Ромео и Джульетте” она увидела только одну сторону — “трагедию юной и чистой любви” и слышать не хотела о “каком-то там” губительном влиянии феодальных отношений» [17].

Местная печать сообщала:

«Помощь студентов колхозам Лиля не задумываясь оценила как “принудительную”, а о воскресниках на стройке завода железобетонных изделий отозвалась еще более категорично:

— Мы не чернорабочие, чтобы идти на стройку!» [38].

Филфак готовил кадры для школ, а Лилия с «нескрываемым пренебрежением... не раз отзывалась о профессии учителя. По ее мнению, в “учителя идут люди средних способностей, не гении же! Где-нибудь в глуши они часто опускаются и ничего не знают, кроме своих тетрадей”»¹⁴. Припомнили и диспут о кино, где «Полонская заявила, что в силу своей “малокультурности” (!) советский зритель не способен оценить французские фильмы» [38]. Начинают и замыкают список обвинений неаккуратность в быту и свободная любовь.

Очевидно, проблему составляло не столько поведение девушки, сколько популярность ее личности и взглядов, когда «афоризм Полонской» обретал «[о]бщефакультетскую известность» [18], о Лиле говорили «с сочувствием и даже восхищением» [38]. Корень бед авторы корреспонденций видели в том, что в представлениях студентки люди делятся на тех, кто работает физически, и избранных — людей умственного труда. Последние являют собой опасное меньшинство. Угрозу таит, во-первых, то самое критическое мышление, «старая модная болезнь трусливых интеллигентиков — ползучий скепсис» [18]. Во-вторых — притягательность субъектной критической позиции, чреватая перераспределением ресурсов символического поля — возможностей влияния — в пользу интеллигенции. В этом плане «дело Полонской»

¹³ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 143. Л. 8.

¹⁴ Идеи о том, «что учителя в нашей стране, якобы, влачат жалкое существование, что будто нет у нас подлинной демократии» бродили и на литфаке Свердловского пединститута, где имела своя «трудная» студентка — ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 32. Л. 88.

продолжает, конечно, общую советскую традицию подозрения к людям умственного труда. О риске превращения интеллигенции в отдельный класс с тенденцией к доминированию предупреждали еще участники дискуссии рубежа XIX–XX вв. [29], наиболее же социологически аргументировано ее выразил Михаил Рейснер в 1922 г.:

«...группа интеллигентов может даже выдвинуться на положение псевдо-класса, который, будучи по существу лишь профессиональной организацией, на самом деле получает вид, характер и значение подлинного класса-хозяина» [45, с. 98].

По А. Грамши, всякая социальная группа «органически создает себе... один или несколько слоев интеллигенции» [15, с. 327]; в этом свете «пролетарское» государство закономерно стремилось к возвращению собственной интеллигенции. В Советском Союзе (и Китае времен культурной революции) выведенный Грамши вектор приобретает и противоположную направленность — формирование органических интеллектуалов «наоборот»¹⁵, посредством отправки «на завод». В новой «репрессивной политике» стало все чаще практиковаться отчисление неугодных студентов с возможностью восстановления через один-два года при наличии положительной характеристики с производства. Именно такой вердикт вынесло министерство высшего образования 9 мая 1956 г. по заявлению Полонской¹⁶. Обобщенный «завод» (колхоз, армия) выступает здесь как сакральное место силы — подлинности и чистоты с пенитенциарными функциями.

Содержание критики и ее массовая поддержка

На что же была направлена студенческая активность, так тревожившая власти? Условно можно выделить две линии. Собственно общественно-политические рассуждения подвергали критике устройство советского общества и отдельных его институтов. Полонской ставили в вину, помимо прочего, высказывания о том, что

*«...в партийной печати действительность приукрашивается, лакируется, поэтому верить газетам нельзя, государственная монополия приводит к выпуску товаров “плохого качества и лучше бы устроить конкуренцию”, а в колхозах землю отдать в “личное пользование крестьян”»*¹⁷.

Самые радикальные идеи, звучавшие в разных вузах страны — отказ от партийного руководства комсомолом, от монополии соцреализма в искусстве, выборы в органы власти из нескольких кандидатов и т. п. — не посягали на существующий строй,

¹⁵ Идея об органических интеллектуалах «наоборот» была сформулирована на семинаре по «Неомарксизму и левой теории» к. с. н. Н. Савельевой в УрФУ в мае 2016 г.

¹⁶ Архив УрГУ. Св. 228.

¹⁷ Архив УрГУ. Св. 228. Л. 32 об.

а были нацелены на его улучшение. Руководство, однако, — не без оснований — усматривало как раз угрозу устоям.

На этом фоне требования второй линии критики выглядят довольно безобидно — широкое введение свободного посещения, совершенствование учебного плана (больше часов на дисциплины по специальности) и т. п. Три года ранее, в 1953 г., требования студентов физфака МГУ изучать действительно современную науку, причем у тех людей, которые ее делают, увенчались успехом. Тогда дерзкий демарш счастливо вписался в уже идущие процессы развития стратегически важной ядерной отрасли, а настойчивость студентов делала возможной их эффективную самоорганизацию вплоть до 1960-х [22; 14; 13]. Существенно, что победа была одержана совершенно легально, посредством решения комсомольской конференции факультета и письма в ЦК партии, и практически бескровно. В дальнейшем в 1950-е гг. для подобной активности использовались в основном те же легальные механизмы [28; 14], однако достижения оказывались куда скромнее, а вот репрессии — серьезнее (самый распространенный вариант — исключение из комсомола и вуза). Оба направления нашли яркое выражение в Свердловске, где ареной развертывания неортодоксальной активности, как и в других городах, неожиданно стали комсомольские собрания.

30 октября 1956 г. студент 4 курса физико-технологического факультета УПИ Артур Немелков (1934 г. р., зам. комсомольского секретаря факультета по политико-воспитательной работе [3]) буквально взорвал XVIII отчетно-выборную комсомольскую конференцию института своим неортодоксальным выступлением.

«Он утверждал, что наша Конституция существует только на бумаге, что народ не является хозяином своей страны... что комсомол выролдился, перестал быть политической организацией, что в комсомоле готовят певцов, танцоров, спортсменов для партии, что основная масса комсомольцев представляет из себя серость», — так изложил вскоре идеи Немелкова Свердловский ОК ВЛКСМ¹⁸.

Зал аплодировал, с поддержкой выступили несколько делегатов, а с выдержанной в том же духе общей «декларацией» физтеха — секретарь комсомольской организации факультета Г. Писчасов. Несогласие с давлением руководства, которое «убивает инициативу комсомольцев и не убеждает, а просто запугивает», скандальным образом выразили чехословацкие студенты¹⁹.

Тогда же «нездоровые настроения» проявились на отчетно-выборном комсомольском собрании отделения журналистики

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 14. Д. 327. Л. 194–195, в стенограмме конференции (ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9) речь Немелкова отсутствует.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 54.

филфака УрГУ²⁰. В постановлении ГК ВЛКСМ от 17 ноября 1956 года говорится об активной поддержке, оказанной «значительной частью комсомольцев IV и V курсов» выступавшим «политическим хулиганам»²¹.

Актуальность идей и смелость их выражения привлекали много сторонников. Как и с Полонской, «самое страшное», по выражению секретаря Свердловского обкома КПСС по пропаганде и агитации, заключалось в массовости:

«...эти немелковы находят себе последователей... влияют на умы отдельных студентов... становятся властителями их дум»²².

Однокашник Артура Леонид Новиков вспоминает, что «услышав его горячие слова с трибуны, многие (и не только физтехи) в глубине души были согласны с ним, хотя и не рисковали признаться в этом открыто» [35]. Действительно, согласно стенограмме, даже осуждавшие Немелкова делегаты по реакции публики заключали, что «[м]ысли такие не у него одного, а у многих товарищей», студентки младших курсов считали взволновавшее их выступление героизмом²³. Специально созванный 21 декабря 1956 г. пленум Свердловского Горкома КПСС констатировал, что «нездоровые настроения и факты аморального поведения» имели место во многих вузах и техникумах города²⁴.

Итак, с трибун комсомольских собраний — вполне легально и при массовой поддержке — стали произноситься явно неортодоксальные идеи. Неудивительно, что и в УрГУ, и в УПИ идеологически законопослушные граждане поначалу испытывали растерянность [43, с. 21]. И хотя для людей постарше необходимость лавировать между обвинениями в «зажиме критики», с одной стороны, и в «притуплении бдительности» — с другой, была не внове, масштабы культурного шока после XX съезда [28; 32] делали ситуацию нерядовой. Подчеркнуть, однако, хотелось бы другое: несмотря на сложившуюся атмосферу, в короткий промежуток времени участникам событий казалось, что смелые идеи вот-вот восторжествуют. Ведь студенты-участники описываемых событий и ранее, в силу активной жизненной позиции и таланта, были заметны в своих вузах²⁵.

²⁰ Первоначальное собрание 22 октября 1956 г., по-видимому, озвучило основные идеи, а потом «было сорвано» уходом большинства участников. Первая справка о повторном собрании датирована 3 ноября, другие документы датой собрания называют 15-е и даже 18 ноября (ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 56. Л. 6–9; Д. 57. Л. 24–30; Ф. 198. Оп. 4. Д. 53. Л. 74–76).

²¹ ЦДООСО. Ф. 198. Оп. 4. Д. 53. Л. 74–76.

²² ЦДООСО. Ф. 1910. Оп. 5. Д. 11. Л. 241.

²³ ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 6, 17, 61.

²⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 4. Л. 4.

²⁵ Например, об активистах собрания 1956 г. в УрГУ Ю. Скопе, В. Плотникове и Г. Прибыткове годом ранее положительно отзывалась

В целом, события в Свердловске развивались не только в той же логике, что и в других концах страны и ее столице²⁶, но и практически одновременно с происходившими здесь событиями, что не соответствует теории диффузии инноваций (если причислять к таковым проявления общественно-политической активности) из центра к периферии.

Политика или романтика?

Политические аспекты студенческой активности представляется продуктивным анализировать в контексте «политики аполитичных», как будет назван более поздний феномен [41]. В середине 1950-х «идейно-политическое воспитание» направляло всю активность в жестко заданное русло выборов, демонстраций, собраний и т. п. Гиперполитизация и гиперпубличность²⁷ приводили к фактическому выхолащиванию политического за счет унификации и монологичности его проявлений.

В условиях, когда право на существование имела только одна «политика», одна «идейность» и даже одна критичность, отклонения от них клеймились как аполитичность, безыдейность и недостаток критического восприятия. Аполитичным было объявлено поведение не только Полонской, чуравшейся поездок в колхоз и на стройку, но и комсомольских активистов Немелкова и Писчасова. Тем самым неортодоксальная активность вообще выводилась из зоны политического.

Сами молодые возмутители спокойствия, напротив, настаивали на политических коннотациях. Как понималось политическое? Ответ на этот вопрос дают трактовки а) конечной цели и б) текущей позиции, а также в) тип мышления. Целью виделось общее благо, улучшение общественной жизни через борьбу с ее недостатками. Как сказал на конференции УПИ упоминавшийся студент Новиков, *«я знаю Немелкова и не сказал бы, что он является врагом народа. Его выступление было продиктовано не чем иным, как [желанием] сделать жизнь лучше, интереснее»*²⁸.

Позиция для достижения высокой цели требовалась субъектная, здесь не было расхождения с официальным дискурсом, призывающим комсомольцев чувствовать себя «хозяевами жизни, хозяевами страны». На конференции УПИ об этом говорили как Немелков, так и его гонители²⁹. Применительно к комсомолу данная позиция выражалась в запросе на политическую самостоятельность молодежной организации. Исполненная критического пафоса эта идея витала повсеместно³⁰: «Если раньше комсомол был подобен надутому парусу,

университетская многотиражка [5; 40]; см. также о них: [25, с. 163, 115–116, 125–126, 138, 112–113].

²⁶ О ситуации в МГУ см.: [14], в других вузах и городах [48; 36; 37; 7; 8; 12; 21; 31].

²⁷ О связи политики и публичности, по Х. Арендт, см.: [22].

²⁸ ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 102.

²⁹ ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 47, 99.

³⁰ См., например: [37, № 68. с. 183; 24, с. 137–145; 14, с. 112, 114, 334, 346, 120; 48, с. 10].

в который дула история, то теперь этот комсомол превратился в мертвую ткань, в которую дует из форточки “откуда-то сверху”», — цитирует будущего писателя, а тогда участника «крамольного» собрания в УрГУ Юрия Скопа справка Свердловского ГК КПСС от 17 ноября 1956 г.³¹

Наконец, социально-критическая заостренность мышления проявлялась в стремлении самостоятельно думать и обсуждать животрепещущие «политические вопросы». На конференции УПИ делегат Герасимов привел в пример недавний случай, когда стройфаку не разрешили диспут о XX съезде, поскольку «в политических вопросах нельзя приходить к неправильным выводам». Студенты и не собирались сворачивать с «правильного» курса, им просто хотелось самим сделать свои заключения:

«...если мы сами в споре придем к какому-то выводу, это будет правильнее, чем спускать это в виде директивы»³².

Желание молодых «ловить в свои паруса ветры истории» постепенно аккумулировалось в «романтике», которую будем понимать, вслед за С. Быковой [6, с. 634–635], как умонастроение, основанное на искренней вере в идеалы справедливого (социалистического) общества и готовности воплощать их прямо сейчас. «Романтика» обозначала зону субъектности, где «активная жизненная позиция» могла реализовываться напрямую, без указаний сверху. Именно романтику противопоставлял Немелков серой комсомольской жизни. Оппоненты обвиняли его в том, что он «напихан» «книжным романтизмом», тогда как «[н]адо видеть романтику в труде» под патронажем партии³³. Сторонникам «правильной» линии, таким образом, пришлось на ходу реагировать на вызов «ветра истории» — романтику, которой еще только предстояло в 1960-е потеснить среди мировоззренческих ориентиров и официальной риторики патриотизм и героизм 1950-х [9; 11].

Объективация молодежи

Реакция властей на протест была весьма показательна: молодежь выделяется в специальный объект заботы и воспитания и одновременно патологизируется [см.: 39; 10]. Стратегическое решение в чрезвычайных обстоятельствах, каковыми были признаны события в свердловских вузах, состояло в том, чтобы растворить «брожение» студентов среди: а) молодежи в целом и б) ее девиаций.

Готовя специальный пленум Свердловского ГК КПСС в декабре 1956 года, члены бюро³⁴ решили «начать с рабочей молодежи и потом

³¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 28.

³² ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 97–98, 100.

³³ ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 16, 21, 53, 74, 76.

³⁴ Бюро состоялось 19 декабря 1956 г., сам пленум — 21 декабря, когда ука-
зующее письмо ЦК от 19 декабря 1956 г. еще не обсуждалось в Свердловске.

переходить к студентам»³⁵; при этом «нездоровые настроения» студентов шли в одном блоке с цифрами роста «аморальных проявлений» и молодежной преступности³⁶. Целенаправленное смешение разнородных девиаций и приписывание их особенностям возраста приводили к тому, что проблемы для руководства, связанные с молодежью, начинали трактоваться как проблемы самой молодежи.

Наряду со «свойствами» молодежи источником проблем виделось ослабление бдительности и в целом политического воспитания в новых условиях. Исправить ситуацию должна была перестройка работы кафедр общественных наук и всех преподавателей, возросшую же активность молодых людей следовало направлять в неполитическое русло — к примеру, на помощь «в ликвидации тех уродливых явлений, которые еще есть, как пьянство, хулиганство, воровство»³⁷.

Роль палочки-выручалочки, громоотвода и обезвреживающего санпропускника играло «трудовое воспитание» во всех его видах, от упоминавшихся воскресников на стройках, уборки урожая на целине и в местных колхозах до полупринудительной отправки на производство после отчисления, как произошло, например, с Немелковым. Предвосхищая реформу образования конца 1950-х, Свердловский ГК ВЛКСМ в своем постановлении «О политическом хулиганстве» студентов УрГУ от 17 ноября 1956 г. просит ЦК КПСС установить правила приема на отделения журналистики только по направлению общественных организаций и с обязательным двух-трехлетним производственным стажем³⁸. Аналогичные предложения, появившиеся в данный период во многих партийных протоколах, идеологически опирались на представление о заведомо правильном классовом сознании и поведении рабочих, что, конечно, не соответствовало действительности. Крамолу порождали все слои общества [26; 27; 43], а студенты с производственным или армейским стажем нередко выражали свое мнение даже более радикально, чем вчерашние школьники [14, с. 12, 93, 147].

Курс на «увеличение рабочей прослойки» среди студентов был призван стать средством формирования органических интеллектуалов; по мысли А. Прищепы [44; 43, с. 109–110] — способом загасить рост студенческого вольнодумства посредством изменения правил приема в вузы. Однако призывы изменить социальный состав студентов звучали и до «антисоветских вылазок» 1956 г., и до XX съезда. Прагматика изменений, производимых при помощи регулирования высшего об-

³⁵ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 4. Л. 136.

³⁶ Хулиганство, преступность и «бытовое разложение» действительно получили большое распространение; амнистия 1953 г. активировала взрывчатый потенциал слободской культуры советского города, в том числе среди молодого поколения — детей войны [33].

³⁷ ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 53.

³⁸ ЦДООСО. Ф. 198. Оп. 4. Д. 53. Л. 76.

разования, на наш взгляд, простиралась шире. В условиях, когда все труднее становилось мобилизовать молодежь на трудовые подвиги, решение принимать в вузы только при наличии производственного стажа помогало привлекать молодых на целину и отдаленные новостройки, что было особенно актуально в связи с резким сокращением использования принудительного труда. Экономический эффект «отсрочки» высшего образования, однако, оказался неубедительным, поскольку стройки все больше нуждались в квалифицированных и мотивированных работниках [11]. Гораздо более действенным мотиватором оказалась романтика, увлекавшая людей не только на дикие пляжи и в турпоходы, но и на те самые отдаленные стройки.

Происходящее в студенческой среде и ответная государственная политика весьма показательны в плане драматизации различия между двумя видами «интеллигенции вообще», каковыми М. Рейснер [45, с. 95] считал бюрократов и интеллигентов в узком смысле слова. Власти боялись, что интеллигенция приобретет самостоятельный вес, ревниво не желая делиться своим влиянием, однако это все-таки произошло, если верить распространившимся со второй половины XX века вариациям теорий нового класса [30], от Х. Шельски (интеллектуалы как «новый клир» [50]) до, скажем, Р. Флориды («креативный класс» [52]).

Размышления самой интеллигенции, включая упоминавшихся выше К. Белокурова [1, с. 223, 226] и Г. Тмарченко [49, с. 186], вели к выводу в духе М. Джиласа [ср. 26, с. 101] о том, что новым господствующим классом становится, напротив, партийная бюрократия, — особо крамольному, если вспомнить о постулате построения бесклассового общества.

Вместо заключения: «эффект масштаба»

Полномочия критиковать и, что важно, обобщать, определять масштабы обсуждаемых явлений — значимый аспект субъектности, который строго регламентировался. Несоразмерные высказывания воспринимались в качестве крамолы, независимо от намерений говорящих. Пытаясь легитимировать свой критический пафос, Немелков в ответном слове обращается к высшему авторитету: «Кажется, я ничего нового не сказал... все эти вопросы были подняты и поставлены XX съездом партии»³⁹. По существу он признает, что пренебрег вопиющей разницей масштабов: где трибуна съезда и где — комсомольской конференции УПИ. В логике Л. Болтански и Л. Тевено можно было бы сказать, что акторы оспаривают, «что и в какой степени подходит для данной ситуации» [4, с. 68]; однако главное здесь — (нарушенное) соотношение уровней критикующего субъекта и объекта критики. Кардинально ситуация меняется после закрытого письма ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г., в котором поминаются Свердловск, политех и студент Немелков. Ответом партийного истеблишмента

³⁹ ЦДОСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 46.

стало обвинение критиков в злонамеренных обобщениях. При этом сами властные инстанции раздували «отдельные» случаи до «чрезвычайных» масштабов, по хорошо знакомой мерке делая из вузов и конкретных людей козлов отпущения. Вступали в игру и другие факторы: собрание в УПИ стало самым заметным на Урале, по всей видимости, в связи со статусом вуза и особым положением физтеха, который готовил специалистов для «атомного проекта» [34; 3; 42].

Распоряжение масштабами, право на обобщения и критику — часть знания-власти; манипуляция ими позволяла идеологам добиться искомого эффекта: преувеличение значимости отдельных эпизодов радикально преуменьшало массовость «нездоровых проявлений». Сводя неортодоксальную активность студентов, противоречащую установкам власти, к единичным, пусть и участвовавшим, ЧП, верхи «выводили из-под огня» систему в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белокуров К.* Хрущевские «заморозки» // Уральский государственный университет в воспоминаниях / Авт.-сост. В.А. Мазур; Ред. М.Е. Главацкий. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 221–226.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995. — 322 с.
3. *Блинов В.А.* Немелков: повесть. Екатеринбург: Архитектон, 2011. — 280 с.
4. *Болтански Л., Тевено Л.* Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.
5. *Брулинская М., Ермакова Н.* О романтике комсомольских будней. Заметки с диспута // Сталинец. 1955. № 12. С. 1.
6. *Быкова С.И.* Проблема преемственности методов советской репрессивной политики 1930 — начала 1950-х гг.: биографический ракурс // Советское государство и общество в период позднего сталинизма, 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН: Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. С. 632–640.
7. *Будник Г.А.* Неформальное движение в вузах Российской Федерации в период «оттепели» // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2011. Т. 2. № 2. С. 93–99.
8. *Будник Г.А.* Научно-педагогическая интеллигенция как посредница воспроизводства коллективной памяти (на материале конца 1940-х — начала 1950-х гг.) // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 314–324.
9. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: CORPUS, 2013. — 432 с.
10. *Веселкова Н.В., Прямикова Е.В.* Социальная компетентность взросления. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. — 290 с.
11. *Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е.* Город юности Качканар — детище XX съезда // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII международной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. М.: РОССПЭН, 2016. С. 578–591.

12. *Галлямова А.Г.* Из истории студенчества в период «Оттепели» // Высшее образование в России. 2009. № 4. С. 126–131.
13. *Гапонов Ю.В., Ковалева С.К., Кессених А.В.* Студенческие выступления 1953 года на физфаке МГУ как социальное эхо атомного проекта // История советского атомного проекта / Отв. ред. и сост. В.П. Визгин. Вып. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 519–544.
14. *Герасимова О.Г.* «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета. М.: АИРО-XXI, 2015. — 607 с.
15. *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3-х ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991. — 560 с.
16. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 624 с.
17. *Гуськов С.* Неоконченный разговор // Комсомольская правда. 1956. № 111. С. 2.
18. *Гуськов С.* Нет, это не дети // Комсомольская правда. 1956. № 112. С. 2.
19. *Гуськов С.* Жизнь стучится в аудитории // Комсомольская правда. 1956. № 114. С. 2.
20. *Достовалова П.Д.* Литературные объединения Уральского университета в 1950-е гг. // Дергачевские чтения — 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы X Всероссийской научной конференции. Т. 3. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 56–63.
21. *Егоров А.Н.* Восприятие советской молодежью политических кризисов 50-х годов XX века в странах Восточной Европы (по воспоминаниям современников-выпускников Казанского университета) // Ученые записки КФУ. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 2. С. 196–201.
22. *Журавлев О.* Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011–2012 годов: коллективная монография // Политика аполитичных. Гражданские движения в России 2011–2013 годов / Ред. С.В. Ерпылева, А.В. Магун. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 27–70.
23. *Журавлев О.* Студенты, научная инновация и политическая функция комсомола: физфак МГУ в 1950–1960-е годы // Разномыслие в СССР и России (1945–2008): Материалы конференции. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2010. С. 85–130.
24. *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы, 1945–1964. М.: ИЦ «Россия молодая», 1993. — 229 с.
25. *Исхаков Р.Л., Ситникова М.В.* Прикосновение к харизме. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. — 195 с.
26. *Козлов В.* Введение // Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг.: рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / Под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко. М.: Материк, 2005. С. 5–65.
27. *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе, 1953 – начало 1980-х гг. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. — 462 с.
28. *Кузовкин Г.* Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» // Корни травы: Сборник статей молодых историков / Под ред. Л.С. Ереминой и Е.Б. Жемковой;

- Общество «Мемориал», Фонд им. Генриха Бёлля. М.: Звенья, 1996 [электронный ресурс]. Дата обращения 01.06.2016. URL: <http://www.memo.ru/library/books/korni/index.htm>
29. *Кустарев А.* Советская Россия: самоопределяющие практики советской интеллигенции // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под ред. В. Куренного. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009. С. 54–71.
 30. *Куценко О.Д.* Общество неравных. Харьков: Изд-во Харьковского государственного ун-та им. В.Н. Каразина, 2000. — 240 с.
 31. *Лейбович О.Л.* В городе М: Очерки политической повседневности советской провинции в 40–50-х годах XX века. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2005. — 291 с.
 32. *Лейбович О.Л.* «...Горком просит дать ответы». Общественная реакция на доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» в Молотовской области. Март–апрель 1956 г. Ч. I // Вестник архивиста. № 4. 2010. С. 193–204.
 33. *Лейбович О.Л.* Новые паттерны партийности: конструирование городских практик в послесталинское десятилетие // Новое литературное обозрение. 2016. № 1. С. 91–109.
 34. *Немелков А.* Из воспоминаний. УПИ, 1956 [электронный ресурс]. Дата обращения 20.05.2016. URL: http://samlib.ru/b/bondarewskij_l/nemelkov.shtml
 35. *Новиков Л.Н.* Физтех — моя судьба и жизнь // Физико-техник [электронный ресурс]. Дата обращения 20.05.2016. URL: http://new.fizikotekhnika.ru/FizikoTehnik_Narod/FizikoTehnik_MemNln.htm
 36. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Свердловская область. Т. 2. 1942–1985 / Ин-т истории и археологии УрО РАН, Упр. архивами Свердлов. обл.; Гл. ред. В.В. Алексеев; Сост. Е.Ю. Баранов, Е.В. Вертилецкая, С.В. Воробьев и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. — 776 с.
 37. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Челябинская область. Т. 2. 1946–1985 / Ин-т истории и археологии УрО РАН, Гос. ком. по делам архивов Челяб. обл.; Гл. ред. В.В. Алексеев, сост. А.П. Финадеев, Г.Н. Кибиткина, Е.А. Калинкина и др. Челябинск: Книга, 2006. — 487 с.
 38. *Оглоблина И., Никитенко К., Пешкова И.* Чужие взгляды // На смену! 1956. № 11. С. 4.
 39. *Омельченко Е.Л.* Молодежь. Открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. — 184 с.
 40. *Плотников В.* Молодой талант. Этюды, рисунки и наброски Г. Прибыткова // Сталинец. 1955. № 45–46. С. 3.
 41. Политика аполитичных. Гражданские движения в России 2011–2013 годов / Ред. С.В. Ерпылева, А.В. Магун. М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 480 с.
 42. *Попов Г.П.* Некоторые воспоминания-впечатления о годах обучения на физтехе УПИ в 1950–1956 годы // ФТФ УПИ — 50 лет [электронный ресурс]. Дата обращения 01.07.2016. URL: <http://aakokin.chat.ru/popov.htm>
 43. *Прищепа А.И.* Инакомыслие на Урале (сер. 1940-х — сер. 1980-х гг.). Сургут: Издательский центр СурГУ, 1998. — 280 с.
 44. *Прищепа А.И.* О причинах школьной реформы 1958 г. // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4. С. 58–62.

45. Рейснер М. Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. 1922. № 1. С. 93–106.
46. Русина Ю.А. «Всходы» инакомыслия в советских вузах (на примере Уральского госуниверситета им. А.М. Горького) // Урал в зеркале тысячелетий (V тыс. до н. э. — XXI в. н. э.). Екатеринбург, Банк культурной информации, 2009. С. 236–247.
47. Русина Ю.А. Самиздат в СССР: Тексты и судьбы. Екатеринбург: [Б. и.], 2015 [электронный ресурс]. Дата обращения 14.05.2016. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/154193012.pdf>
48. Студенческое брожение в СССР (конец 1956 г.) [архивные документы] // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 3–23.
49. Тамарченко Г.Е. Судьба одного семейства. (На крутых поворотах советской истории): Воспоминания. Киев: Радуга, 2001. — 212 с.
50. Филиппов А.Ф. Арнольд Гелен и Хельмут Шельски // Мыслящая Россия. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009. С. 274–313.
51. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008. — 543 с.
52. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. — 430 с.
53. Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: ЕУСПб., Летний Сад, 2002. — 511 с.
54. Ципурский Г. «Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стилей». Политика в отношении «Вестернизированной» молодежи в Советском Союзе при Н.С. Хрущеве // Новейшая история России. 2013. № 3 (8). С. 55–83.
55. Чемякин Ю.В. Периодика университета: вехи истории // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3 (78). С. 25–36.
56. Kurzman Ch., Owens L. The Sociology of Intellectuals // Annual Review of Sociology. 2002. No. 28. P. 63–90. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.140745
57. Unfried B. “Ich bekenne”: Katholische Beichte und sowjetische Selbstkritik. Frankfurt am Main: Campus, 2006. — 420 S.

Дата поступления: 06.06.2019.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2020.

VOL. 26. No. 2. P. 153–173. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7271

N.V. VESELKOVA

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation.

Natalia V. Veselkova — Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural
Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Address: 516, Lenina st., 620000, Ekaterinburg, Russian Federation.

Phone: +7 (343) 389-97-31. **Email:** vesselkova@yandex.ru

POLITICS OR ROMANCE: STUDENTS OF 1956

Abstract. Student unrest of 1956 in Soviet universities is examined based on the example of the Ural State University and the Ural Polytechnic Institute in Sverdlovsk. Student attitudes are analyzed in terms of social and critical thinking, and the reaction of authorities — in light of the policy towards the intelligentsia. The theoretical and methodological frame of analysis is constructivism, with emphasis put on aspects of bilateral, reciprocal design and temporality. The empirical base consists of documents from the collections of the Documentation Centre of the Social Institutions of Sverdlovsk Region, the University Museum, as well as materials from local and national press.

The mid 1950's were marked by a radical revision of the limits of acceptable criticism, which was unfolding until the end of 1956. Unorthodox activity was not regarded as seditious up until a point. The gap, interval between the original action and the resulting stigmatizing mark shows how such a notion crystallized. At some point it seemed as if you could criticize everyone and everything. It is shown that the most crucial effect was produced not by the theme of student statements but rather by a mismatch in the magnitude of the subjects and objects of public criticism. The position of authorities was to depoliticize student activity, while using such a relatively new course as pathologizing objectification: the younger generation was treated as a bearer of specific problems requiring special attention. “Labor education” with emphasis on hard physical labor was used as the universal lifesaver. Sundays at construction sites, hedgehog-fit visits to farms, as well as sending expelled students to factories inform the phenomenon of organic intellectuals “on the contrary” (in the words of A. Gramsci and N. Savelyeva). At the same time, the pragmatic benefits of resolving to admit to universities only those who had sufficient work experience was not reduced to disposing of students’ “unhealthy moods”, but rather “postponement” of higher education was to attract the youngsters to the virgin lands and construction sites.

Students themselves insisted on the political connotations of their actions. The desire of the young generation to “catch the winds of history in their sails” was gradually accumulated in the concept of romance, which had yet to displace the patriotism and heroism that prevailed within the ideological orientations and the official rhetoric of the 50's.

Keywords: student unrest; Sverdlovsk; intelligentsia; sedition; criticism; social and critical thinking; organic intellectuals.

For citation: Veselkova N.V. Politics or Romance: Students of 1956. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. Vol. 26. No. 2. P. 153–173. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7271

REFERENCES

1. Belokurov K. Khrushchev “freeze”. *Ural'skii gosudarstvennyi universitet v vospominaniyakh*. [Ural State University in memories.] Ed. by V.A. Mazur, M.E. Glavatskii. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta publ., 2000. P. 221–226. (In Russ.)
2. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. [Russ. ed.: *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Transl. from Eng. by E.D. Rutkevich. Moscow: Academia-Tsentr, MEDIUM publ, 1995. 322 p.]
3. Blinov V.A. *Nemelkov: povest'*. [Nemelkov: The story.] Ekaterinburg: Arkhitekton publ., 2011. 280 p. (In Russ.)
4. Boltanski L., Thévenot L. Sociology of Critical Capacity. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2000. Vol. 3. No. 3. P. 66–83. (In Russ.)
5. Brulinskaya M., Ermakova N. About romance of Komsomol everyday life. Notes to the dispute. *Stalinets*. 1955. No. 12. P. 1. (In Russ.)
6. Bykova S.I. Problem of continuity of the Soviet repressive policy techniques 1930 – early 1950ies: Biographical perspective. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma, 1945–1953 gg.* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism,

- 1945–1953.] Moscow: ROSSPEN: Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina publ., 2015. P. 632–640. (In Russ.)
7. Budnik G.A. Unconventional Movement in the Higher Education Facilities of the Russian Federation during the “thaw”. *Izvestiya vuzov. Seriya “Gumanitarnye nauki”*. 2011. Vol. 2. No. 2. P. 93–99. (In Russ.)
 8. Budnik G.A. Scientific-pedagogical intelligentsia as a mediator of reproduction of the collective memory (on the material of the late 1940s – early 1950s.). *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati*. [The crises of turning periods in historical memory.] Ed. by L.P. Repina. Moscow: IVI RAN publ., 2012. P. 314–324. (In Russ.)
 9. Vail' P., Genis A. 60-e. *Mir sovetskogo cheloveka*. [The '60s. The world of the soviet man.] Moscow: AST: CORPUS publ., 2013. 432 p. (In Russ.)
 10. Veselkova N.V., Pryamikova E.V. *Sotsial'naya kompetentnost' vzrosleniya*. [Social competence of becoming adults.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta publ., 2005. 290 p. (In Russ.)
 11. Veselkova N., Vandyshev M., Pryamikova E. City of youth Kachkanar as a child of the Twentieth Congress. *Posle Stalina. Reformy 1950-kh godov v kontekste sovetskoi i postsovetskoi istorii: Materialy VIII mezhdunarodnoi konferentsii. Ekaterinburg, 15–17 oktyabrya 2015 g.* [After Stalin. Reforms of the 1950s in the Context of Soviet and Post-Soviet History: Materials of the VIII International Conference. Yekaterinburg, October 15–17, 2015.] Moscow: ROSSPEN publ., 2016. P. 578–591. (In Russ.)
 12. Gallyamova A.G. The student's activity during Khrushchev's “thaw”. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2009. No. 4. P. 126–131. (In Russ.)
 13. Gaponov Yu.V., Kovaleva S.K., Kessenikh A.V. Student unrest in 1953 at the Physics Department of Moscow State University as a social echo of nuclear project. *Istoriya sovetskogo atomnogo proekta*. [The history of the Soviet atomic project.] Ed. by V.P. Vizgin. Iss. 2. St Petersburg: RKhGI publ., 2002. P. 519–544. (In Russ.)
 14. Gerasimova O.G. “Ottepel'”, “zamorozki” i studenty Moskovskogo universiteta. [“Thaw”, “freeze” and the students of the Moscow University.] Moscow: AIRO-KhKhI publ., 2015. 607 p. (In Russ.)
 15. Gramsci A. *Tyuremnye tetradi*. [The prison notebooks.] 3 Vols. Vol. 1. Moscow: Politizdat publ., 1991. 560 p. (In Russ.)
 16. Grushin B.A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina v 4-kh knigakh. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushcheva*. [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Sketches of the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 1st. Khrushchev era.] Moscow: Progress-Traditsiya publ., 2001. 624 p. (In Russ.)
 17. Gus'kov S. Unfinished conversation. *Komsomol'skaya pravda*. 1956. No. 111. P. 2. (In Russ.)
 18. Gus'kov S. No, it is not the children. *Komsomol'skaya pravda*. 1956. No. 112. P. 2. (In Russ.)
 19. Gus'kov S. Life is knocking at the audience. *Komsomol'skaya pravda*. 1956. No. 114. P. 2. (In Russ.)
 20. Dostovalova P.D. Literary Association of the Ural University in the 1950's. *Dergachevskie chteniya – 2011. Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti: Materialy X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. [Dergachev Readings – 2011. Russian Literature: National Development and Regional Features: Materials of the X All-Russian Scientific Conference.] Vol. 3. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta publ., 2012. P. 56–63. (In Russ.)
 21. Egorov A.N. Soviet Youth's Perception of the 1950s Political Crises in the Eastern Europe (on the Memories of That-Time Kazan University Students). *Uchenye zapiski KFU. Gumanitarnye nauki*. 2009. Vol. 151. Book 2. Ch. 2. P. 196–201. (In Russ.)
 22. Zhuravlev O. The inertia of post-Soviet de-politicization and politicization of 2011–2012 years. *Politika apolitichnykh. Grazhdanskoe dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov: kolektivnaya monografiya*. [Politics of apolitical people. Civil movements in Russia 2011–2013: Collective monograph.] Ed. by S.V. Erpyleva, A.V. Magun. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2015. P. 27–70. (In Russ.)

23. Zhuravlev O. Students, scientific innovation, and political function of the Komsomol: Physics Department of Moscow State University in 1950–1960's. *Raznomyslie v SSSR i Rossii (1945–2008): Materialy konferentsii*. [Disagreement in the USSR and Russia (1945–2008): Materials of the Conference.] St Petersburg: Izd-vo EUSPb. publ., 2010. P. 85–130.
24. Zubkova E.Yu. *Obshchestvo i reformy, 1945–1964*. [Society and Reform, 1945–1965.] Moscow: ITs “Rossiya molodaya” publ., 1993. 229 p. (In Russ.)
25. Iskhakov R.L., Sitnikova M.V. *Prikosnovenie k kharizmu*. [Touching charisma.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta publ., 2006. 195 p. (In Russ.)
26. Kozlov V. Introduction. *Kramola. Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953–1982 gg.: Rassekrechennye dokumenty Verkhovnogo suda i Prokuratury SSSR*. [Sedition. Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1982: Declassified documents of the Supreme Court and the USSR Prosecutor's Office.] Ed. by V.A. Kozlov, S.V. Mironenko. Moscow: Materik publ., 2005. P. 5–65. (In Russ.)
27. Kozlov V.A. *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve, 1953 – nachalo 1980-kh gg.* [Riots in the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev, 1953 – the beginning of the 1980s.] M.: ROSSPEN: Prezidentskii Fond B.N. El'tsina publ., 2010. 462 p. (In Russ.)
28. Kuzovkin G. Party and Komsomol political persecution during the early “thaw”. *Korni travy: Sbornik statei molodykh istorikov*. [Grass roots: A collection of articles by young historians.] Ed. by L.S. Eremina, E.B. Zhemkova. Moscow: Zven'ya publ., 1996. Accessed 01.06.2016. URL: <http://www.memo.ru/library/books/korni/index.htm> (In Russ.)
29. Kustarev A. Soviet Russia: self-determination practices of the Soviet intelligentsia. *Myslyashchaya Rossiya. Istoriya i teoriya intelligentsii i intellektualov*. [Thinking Russia. History and theory of intelligentsia and intellectuals.] Ed. by V. Kurennoi. Moscow: Nekommercheskii fond “Nasledie Evrazii” publ., 2009. P. 54–71. (In Russ.)
30. Kutsenko O.D. *Obshchestvo neravnykh*. [Society of unequals.] Khar'kov: Izd-vo Khar'kovskogo gosudarstvennogo un-t im. V.N. Karazina publ., 2000. 240 p. (In Russ.)
31. Leibovich O.L. *V gorode M: Ocherki politicheskoi povsednevnosti sovetskoi provintsii v 40–50-kh godakh XX veka*. [In the town of M: Studies of Everyday Politics in the Soviet Province in the 40–50s of the Twentieth Century.] Perm': Izd-vo PGU publ., 2005. 291 p. (In Russ.)
32. Leibovich O.L. “...Gorkom sought answers”. Public reaction to the report of N.S. Khrushchev's ‘The personality cult and its consequences’ in Molotov region. Part 1. *Vestnik arkhivista*. No. 4. 2010. P. 193–204. (In Russ.)
33. Leibovich O.L. New Party Patterns: The Construction of Urban Practices in the Post-Stalin Decade. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2016. No. 1. P. 91–109. (In Russ.)
34. Nemelkov A. *Iz vospominanii. UPI, 1956*. [From the memoirs. Ural Polytechnic Institute, 1956.] Accessed 20.05.2016. URL: http://samlib.ru/b/bondarevskij_1/nemelkov.shtml (In Russ.)
35. Novikov L.N. *Physico-Technical Faculty — my fate and life*. Fiziko-tekhnik. Accessed 20.05.2016. URL: http://new.fizikotekhnika.ru/FizikoTekhnika_Narod/FizikoTekhnika_MemNln.htm (In Russ.)
36. *Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsia, 1917–1985: Dokumenty i materialy v 6 t. Sverdlovskaya oblast': T. 2. 1941–1985*. [Society and government. Russian province, 1917–1985. Documents and materials in 6 Vols. Sverdlovsk region: Vol. 2: 1941–1985.] Ed. by V.V. Alekseev. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii publ., 2006. 776 p. (In Russ.)
37. *Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsia. 1917–1985: Dokumenty i materialy v 6 t. Chelyabinskaya oblast'. T. 2. 1946–1985*. [Society and government. Russian province, 1917–1985. Documents and materials in 6 Vols. Chelyabinsk region: Vol. 2: 1946–1985.] Ed. by V.V. Alekseev. Chelyabinsk: Kniga publ., 2006. 487 p. (In Russ.)
38. Ogloblina I., Nikitenko K., Peshkova I. The alien views. *Na smenu!* 1956. No. 11. P. 4. (In Russ.)
39. Omel'chenko E.L. *Molodezh'. Otkrytyi vopros*. [Youth: An open issue.] Ul'yanskovsk: Simbirskaya kniga publ., 2004. 184 p. (In Russ.)
40. Plotnikov V. The young talent. Sketches, drawings and sketches by G. Pribytkov. *Stalinets*. 1955. No. 45–46. P. 3. (In Russ.)

41. *Politika apolitichnykh. Grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov.* [Politics of apolitical people. Civil movements in Russia 2011–2013: Collective monograph.] Ed. by S.V. Erpyleva, A.V. Magun. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2015. 480 p. (In Russ.)
42. Popov G.P. Some memories, impressions of the years of training at the Ural Technical Institute' phiztech in 1950–1956 years. FTF UPI — 50 let. Accessed 01.07.2016. URL: <http://aakokin.chat.ru/popov.htm> (In Russ.)
43. Prishchepa A.I. *Inakomyslie na Urale (ser. 1940-kh — ser. 1980-kh gg.).* [Dissent in the Urals (mid 1940s — mid 1980s.) Surgut: Izdatel'skii tsentr SurGU publ., 1998. 280 p. (In Russ.)
44. Prishchepa A.I. On reasons behind school reform of 1958. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta.* 2012. No. 4. P. 58–62. (In Russ.)
45. Reisner M. Intelligentsia as the object of study in terms of research. *Pechat' i revolyutsiya.* 1922. No. 1. P. 93–106. (In Russ.)
46. Rusina Yu.A. "Shoots" of dissent in the Soviet higher educational institutions (case of the Ural State University named after A.M. Gorky). *Ural v zerkale tysyacheletii (V tys. do n.e. — XXI v. n.e.).* [Urals in the mirror of millennia (Vth millennium BC — XXI century AD).] Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii publ., 2009. P. 236–247. (In Russ.)
47. Rusina Yu.A. *Samizdat v SSSR: Teksty i sud'by.* [Samizdat in the Soviet Union: The texts and destiny.] Ekaterinburg, 2015. Accessed 14.05.2016. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/154193012.pdf> (In Russ.)
48. Student unrest in the USSR (end of 1956) [archival documents]. *Voprosy istorii.* 1997. No. 1. P. 3–23. (In Russ.)
49. Tamarchenko G.E. *Sud'ba odnogo semeistva. (Na krutykh povorotakh sovetskoï istorii): Vospominaniya.* [The fate of one family. (On the tight turns of Soviet history): Memories.] Kiev: Raduga publ., 2001. 212 p. (In Russ.)
50. Filippov A.F. Arnold Gehlen and Helmut Schelsky. *Myslyashchaya Rossiya. Istoriya i teoriya intelligentsii i intellektualov.* [Thinking Russia. History and theory of intelligentsia and intellectuals.] Ed. by V. Kurennoi. Moscow: Nekommercheskii fond «Nasledie Evrazii» publ., 2009. P. 274–313. (In Russ.)
51. Firsov B. M. *Raznomyслие в СССР. 1940–1960-е годы: Istoriia, Teoriia i Praktiki.* [Diversity of Thinking in the USSR 1940s–1960s: History, Theory and Practices.] St Petersburg: EUSPb. publ., 2008. 543 p. (In Russ.)
52. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How it's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. [Russ. ed.: *Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee.* Transl. from Eng. Moscow: Izdatel'skii dom "Klassika-XXI" publ., 2011. 430 p.]
53. Kharkhordin O. *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiiskoi lichnosti.* [Reveal and Dissimulate: A Genealogy of the Russian Personality.] St Petersburg; Moscow: EUSPb. publ., Letnii Sad publ., 2002. 511 p. (In Russ.)
54. Tsipurskii G. "The Komsomol Needs to Announce a Merciless and Decisive War to All Kinds of 'Stiliagi'". Managing Westernized Youth in the Soviet Union under Khrushchev. *Noveishaya istoriya Rossii.* 2013. No. 3 (8). P. 55–83. (In Russ.)
55. Chemyakin Yu.V. Periodicals University: Milestones. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury.* 2010. No. 3 (78). P. 25–36. (In Russ.)
56. Kurzman Ch., Owens L. The Sociology of Intellectuals. *Annual Review of Sociology.* 2002. No. 28. P. 63–90. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.140745
57. Unfried B. "Ich bekenne": *Katholische Beichte und sowjetische Selbstkritik.* Frankfurt am Main: Campus, 2006. 420 p. (In Germ.)